

Эффективность миротворческой миссии России
в Нагорном Карабахе
в контексте формирования системы
региональной безопасности на Южном Кавказе

Владислав В. Зайковский

АО «Альфа-Банк», Москва, Россия, zaikoffsky@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается российская миротворческая миссия в Нагорном Карабахе в 2020–2024 гг. как пример регионального миротворчества и инструмента обеспечения безопасности на постсоветском пространстве. Особое внимание уделяется институциональной эффективности миссии, анализируется ее структура, правовая база и взаимодействие с конфликтующими сторонами. Исследование опирается на комплексный подход, включающий военные, политико-дипломатические, гуманитарные и международно-правовые критерии оценки. В теоретической части кратко излагаются исторические предпосылки конфликта и современные концепции миротворчества, а также рассматриваются подходы к оценке эффективности операций различного типа. В аналитической части исследуется деятельность российского контингента, развернутого вдоль линии соприкосновения и в Лачинском коридоре, оценивается выполнение поставленных задач по прекращению огня, защите гражданского населения, координации гуманитарных действий и взаимодействию с международными структурами. Выявлены ограничения институциональной устойчивости миссии, обусловленные отсутствием международного мандата и политической зависимостью от сторон конфликта. Представленные выводы имеют практическую значимость для совершенствования механизмов регионального миротворчества и планирования будущих операций России на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: миротворческая миссия, Нагорный Карабах, институциональная эффективность, региональная безопасность, российская модель миротворчества, международно-правовой мандат, конфликтное урегулирование

Для цитирования: Зайковский В.В. Эффективность миротворческой миссии России в Нагорном Карабахе в контексте формирования системы региональной безопасности на Южном Кавказе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 173–192. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-173-192

© Зайковский В.В., 2026

The effectiveness of Russia's peacekeeping mission
in Nagorno-Karabakh
in the context of the formation
of the regional security system in the South Caucasus

Vladislav V. Zaykovsky

AO "Alfa-Bank", Moscow, Russia, zaikoffsky@gmail.com

Abstract. The article examines the Russian peacekeeping mission in Nagorno-Karabakh in 2020–2024 as a case of regional peacekeeping and an instrument for ensuring security in the post-Soviet space. The study focuses on the institutional effectiveness of the mission, analyzing its structure, legal framework, and interaction with the conflicting parties. A comprehensive approach is applied, including military, political-diplomatic, humanitarian, and international-legal criteria for assessing effectiveness. The theoretical section briefly outlines the historical background of the conflict and modern peacekeeping concepts, as well as approaches to evaluating the performance of various types of operations. The analytical part examines the activities of the Russian contingent deployed along the line of contact and the Lachin corridor, evaluating the achievement of tasks related to ceasefire enforcement, civilian protection, humanitarian coordination, and cooperation with international organizations. Limitations in institutional sustainability were identified, caused by the absence of an international mandate and political dependence on the parties involved. The findings have practical significance for improving regional peacekeeping mechanisms and planning future Russian operations in the post-Soviet space.

Keywords: peacekeeping mission, Nagorno-Karabakh, institutional effectiveness, regional security, Russian peacekeeping model, international legal mandate, conflict resolution

For citation: Zaykovsky, V.V. (2026), "The effectiveness of Russia's peacekeeping mission in Nagorno-Karabakh in the context of the formation of the regional security system in the South Caucasus", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 173–192, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-173-192

Введение

Актуальность исследования определяется возросшей ролью миротворческих миссий как инструмента обеспечения международной и региональной безопасности в условиях трансформации системы международных отношений. Конфликт в Нагорном Карабахе, являвшийся одной из наиболее острых точек постсоветского

пространства, обострился осенью 2020 г., что потребовало оперативного вмешательства внешних акторов. Миротворческая миссия Российской Федерации, начавшая деятельность 10 ноября 2020 г. на основании трехстороннего заявления лидеров России, Азербайджана и Армении, стала одним из ключевых факторов прекращения активных боевых действий и поддержания режима прекращения огня. Задачи миссии включали обеспечение безопасности мирного населения, контроль за соблюдением договоренностей, содействие гуманитарным операциям и восстановлению коммуникаций.

Тем не менее уже к 2023–2024 гг. обозначились существенные противоречия между заявленными целями и достигнутыми результатами. Отсутствие международного мандата, ограниченность взаимодействия с местными структурами и изменение геополитического контекста привели к снижению эффективности российской миссии и ее досрочному завершению весной 2024 г. Это обусловило необходимость научного осмысления опыта российского миротворчества в Карабахе – не только как конкретной операции, но и как проявления стратегии России в обеспечении безопасности на Южном Кавказе.

Согласно современным научным подходам эффективность миротворческой миссии определяется совокупностью политических, институциональных, военных, гуманитарных и правовых параметров. В рамках данного исследования эффективность рассматривается как степень соответствия между заявленными целями миссии и достигнутыми результатами в контексте региональной стабильности. В аналитической части работы выделяются следующие критерии оценки эффективности: институциональная состоятельность (наличие устойчивой системы командования, взаимодействия и отчетности); легитимность миссии в глазах основных участников конфликта и международных акторов; способность к предотвращению возобновления боевых действий; обеспечение безопасности гражданского населения и гуманитарного доступа; а также устойчивость правового и дипломатического статуса миссии на международной арене. Такой подход позволяет комплексно оценить миссию не только как военно-политический инструмент, но и как форму реализации российской внешнеполитической стратегии в постсоветском пространстве.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что анализ эффективности российской миротворческой миссии позволяет выявить универсальные закономерности функционирования подобных операций на постсоветском пространстве и определить возможные направления оптимизации механизмов миротворчества, включая юридическое оформление мандатов,

взаимодействие с международными институтами и совершенствование гуманитарных аспектов. Полученные выводы могут быть использованы при разработке концепций внешней политики, военной доктрины и при подготовке кадров для миротворческих подразделений.

Степень научной разработанности темы остается ограниченной. Проблематика постсоветского миротворчества России рассматривалась в ряде исследований, однако именно карабахская миссия после 2020 г. получила лишь фрагментарное отражение [Борисов 2023]. Так, в работе Д.В. Малышева предпринята попытка систематизировать опыт миротворчества России на пространстве СНГ. Автор отмечает, что российская миссия в Карабахе продемонстрировала как высокий уровень оперативной готовности, так и отсутствие институциональной опоры, характерной для операций под эгидой ООН, что снижает их устойчивость и воспринимаемую легитимность [Малышев 2022].

Исследование В.А. Чолахяна посвящено международному участию в разрешении карабахского конфликта. Ученый приходит к выводу, что российская инициатива 2020 г. была вынужденным компромиссом, позволившим временно стабилизировать ситуацию, но не обеспечившим формирования устойчивого мирного порядка. Особое внимание он уделяет юридической стороне вопроса, указывая на неопределенность статуса российского контингента в отсутствие решения Совета Безопасности ООН [Чолахян 2021]. В ряде исследований внимание сосредоточено на геополитических и институциональных последствиях войны 2020 г. Е. Давтян анализирует влияние процессов внешнеполитического обучения и восприятия прошлых конфликтов на принятие решений политическими элитами, которые могут способствовать военной эскалации [Davtyan 2024]. В свою очередь, Н. Сукиасян и Е. Давтян рассматривают трансформацию регионального порядка на Южном Кавказе после войны 2020 г., отмечая изменение баланса сил и формирование новой конфигурации безопасности [Sukiasyan, Davtyan 2025].

Значительный вклад в исследование внешнеполитического контекста внесла З. Манукян, которая рассматривает миссию как часть более широкой стратегии России по восстановлению своего влияния в Южном Кавказе. По ее мнению, миротворчество в Карабахе стало не только инструментом урегулирования конфликта, но и способом сдерживания внешних конкурентов – прежде всего Турции, активно укреплявшей позиции в Азербайджане [Manukyan 2024]. Существенное внимание уделяется долгосрочной динамике конфликта. В частности, Л. Броерс рассматривает карабахское противостояние как устойчивое соперничество,

выходящее за рамки концепции «замороженного конфликта», подчеркивая институционализацию противоборства и устойчивость политических нарративов сторон [Broers 2015]. Отдельное направление исследований связано с анализом политических дискурсов и нарративов вокруг конфликта. Так, Н. Саакян исследует формирование политических рамок интерпретации карабахского конфликта в риторике лидеров Армении, Азербайджана и Турции, показывая, что политическая коммуникация играет важную роль в поддержании конфронтационной повестки. Схожая проблематика затрагивается и в работе Н. Саакян и А. Карташян, где рассматривается эволюция политического дискурса азербайджанского руководства в процессе переговоров по урегулированию конфликта [Sahakyan, Kartashyan 2025].

В свою очередь, М. Вардазарян анализирует влияние второй карабахской войны на армяно-российские отношения и отмечает, что миссия стала для Москвы испытанием союзнических обязательств в рамках ОДКБ. Автор показывает, что ограниченность вмешательства России вызвала критику в армянском обществе и поставила под вопрос традиционные представления о гарантиях безопасности [Vardazaryan 2024]. Аналогичная проблематика раскрывается в работе К. Абушова и А. Бабаева, в которой исследователи изучают подчеркнутый нейтралитет РФ в 2024–2025 гг. и отсутствие стремлений влиять на разворачивающуюся ситуацию силовыми методами [Abushov, Babayev 2025].

Зарубежные исследования также демонстрируют возросший интерес к российской миссии. К. Селим и Г. Түйсюзоглу рассматривают российское присутствие как временный стабилизатор, не устраняющий глубинные причины конфликта, и подчеркивают отсутствие у Москвы долгосрочного плана по трансформации региона [Selim, Tüysüzoglu 2023]. Сходные выводы делает С.Х. Хассан, анализируя международные интервенции в карабахский кризис. Он отмечает, что миссия России рассматривалась другими внешними игроками как часть геополитического соперничества, а не как чисто миротворческая инициатива, что усложнило ее восприятие на международной арене [Hassan 2024]. Наконец, ряд работ посвящены более широким геополитическим аспектам конфликта и его влиянию на региональную безопасность. Исследования Х. Папазяна, например, демонстрируют, что даже такие элементы, как топонимика и исторические карты, могут становиться инструментом политической легитимации и символического соперничества сторон [Papazian 2023]. Этот анализ показывает, каким образом события войны 2020 г. повлияли на восприятие Турции и турецкого фактора в армянском обществе.

Итак, проведенный обзор литературы показывает, что большинство авторов сходятся во мнении о неоднозначности результатов миссии. С одной стороны, она позволила остановить боевые действия и предотвратить гуманитарную катастрофу, с другой – не привела к устойчивому урегулированию и не сформировала международно признанных механизмов контроля. Однако в научной литературе пока отсутствует комплексный анализ эффективности миротворческой операции с точки зрения совокупности военных, политических, правовых и гуманитарных факторов, что определяет направление настоящего исследования.

Целью настоящего исследования является оценка эффективности миротворческой миссии России в Нагорном Карабахе в 2020–2024 гг., выявление факторов, обусловивших ее ограниченные результаты, а также определение ее роли в формировании новой системы региональной безопасности на Южном Кавказе.

В отличие от существующих исследований, где миссия рассматривается преимущественно как инструмент внешнеполитического влияния, данная работа предлагает оценку ее результативности с позиции функциональной эффективности и институциональной устойчивости. Кроме того, уточняется понятие «российская модель миротворчества», предлагается типология ее ограничений и формулируются рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы миротворческой деятельности.

Методологическая основа исследования включает сравнительно-политический и институционально-функциональный подходы, что позволяет рассматривать миссию не как изолированный эпизод, а как часть общей стратегии России в постсоветском пространстве. Для анализа используются методы контент-анализа научных публикаций и структурно-функциональный метод. Эффективность миссии оценивается по степени достижения целей прекращения огня, обеспечения безопасности гражданского населения, функционирования гуманитарных механизмов и укрепления политических каналов взаимодействия между сторонами конфликта.

Историко-политический контекст конфликта и предпосылки миротворческой миссии

Конфликт в Нагорном Карабахе является одним из наиболее сложных этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, корни которого уходят в период позднего СССР. Первые массовые столкновения между армянским и азербайджанским населением региона начались в 1988 г., когда Верховный Совет

Нагорно-Карабахской автономной области обратился к союзному руководству с просьбой о передаче территории из состава Азербайджанской ССР в Армянскую ССР [Broers 2015]. Этот шаг вызвал политический кризис, завершившийся вооруженной фазой конфликта после распада Советского Союза. К началу 1994 г. при посредничестве России и стран Минской группы ОБСЕ стороны подписали Бишкекский протокол, установивший режим прекращения огня [Abbas 2024].

В последующие десятилетия конфликт сохранял «замороженный» характер: периодические обострения, дипломатические провалы и отсутствие компромисса по статусу региона. Россия, будучи ключевым посредником, участвовала в переговорах в рамках Минской группы и поддерживала баланс сил между Ереваном и Баку. Однако формальные механизмы урегулирования не обеспечивали реальной устойчивости, а система безопасности оставалась хрупкой. С 2016 г. участились столкновения вдоль линии соприкосновения, что свидетельствовало о нарастающем кризисе статус-кво [Ferner 2023].

Эскалация осенью 2020 г., получившая название Второй карабахской войны, радикально изменила политическую ситуацию. Военные действия продолжались 44 дня и завершились подписанием 9–10 ноября 2020 г. трехстороннего заявления лидеров России, Азербайджана и Армении [Kazbek 2022]. В соответствии с этим документом на территории конфликта был развернут российский миротворческий контингент численностью около 1960 военнослужащих, оснащенных бронетранспортерами, инженерной техникой и средствами связи.

Целями миссии являлись обеспечение прекращения огня¹, контроль за выполнением соглашения, защита гражданского населения и содействие возвращению вынужденных переселенцев [Anggraeni 2022]. Важным элементом стало развертывание 23 наблюдательных постов вдоль линии соприкосновения и Лачинского коридора, обеспечивающего связь между Арменией и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой. Для гуманитарного взаимодействия был создан Центр по контролю за прекращением огня, в котором совместно работали представители России и Турции [Привалов 2023].

¹ Заявление Президента Российской Федерации по итогам переговоров лидеров России, Армении и Азербайджана (9–10 ноября 2020 г.). URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/64381> (дата обращения: 05.10.2025).

С самого начала миссия столкнулась с рядом институциональных проблем. Отсутствие мандата ООН ограничивало ее международно-правовую легитимность, а соглашение между Россией и Азербайджаном предусматривало лишь пятилетний срок пребывания контингента с возможностью продления по обоюдному согласию сторон. Это создавало неопределенность относительно будущего статуса российских сил [Гаспарян, Скаков 2023]. Более того, в 2021–2023 гг. в Азербайджане усилилось восприятие миссии как временного элемента, а не гарантии долгосрочной стабильности, что снижало уровень взаимодействия между сторонами.

С точки зрения армянской стороны, российская миссия рассматривалась как ключевой фактор безопасности и единственный барьер против возможного наступления Азербайджана. Однако внутренние политические процессы в Армении, включая кризис доверия к ОДКБ и колебания во внешнеполитическом курсе, привели к ослаблению опоры на Москву [Тонкошкуров, Шигин 2022].

Международный контекст также существенно изменился. Активизация Турции, поддержавшей Азербайджан во время войны, трансформировала региональную архитектуру безопасности². Совместный российско-турецкий центр стал компромиссным решением, но не устранил взаимного недоверия. Западные государства, в первую очередь Франция и США, проявляли ограниченную активность, оставив инициативу Москве, однако по мере эволюции конфликта в 2023–2024 гг. вновь усилили дипломатическое присутствие.

К 2024 г. ситуация резко изменилась: Азербайджан установил полный контроль над территорией Карабаха, а российский контингент, потерявший фактический объект миротворчества, был выведен весной того же года. Это завершение миссии стало предметом широкой дискуссии о ее институциональной эффективности. Одни аналитики рассматривают миссию как успешную с точки зрения предотвращения масштабной гуманитарной катастрофы и временной стабилизации ситуации [Iskandarov 2025], другие подчеркивают ограниченность результатов и отсутствие системных механизмов мирного урегулирования [Vardazaryan 2024].

Таким образом, миссия 2020–2024 гг. может рассматриваться как переходный формат российского миротворчества, продемонстрировавший высокую оперативность при низкой институ-

² TASS: Turkey, Russia sign agreement to set up joint center for monitoring in Karabakh (11.11.2020). URL: <https://tass.com/world/1229873> (дата обращения: 08.10.2025).

циональной устойчивости. Ее изучение позволяет выявить структурные особенности российской модели миротворчества и определить условия, при которых она может быть эффективна в будущем.

Институциональная структура и правовые основы российской миротворческой миссии

Российская миротворческая миссия в Нагорном Карабахе 2020–2024 гг. отличалась от классических операций ООН как по правовому статусу, так и по институциональной организации³. Ее нормативная база формировалась вокруг трехстороннего заявления от 9–10 ноября 2020 г., подписанного президентами России и Азербайджана и премьер-министром Армении. В документе не содержалось отсылок к международным резолюциям или решениям Совета Безопасности ООН, что придавало миссии двусторонне-региональный характер и выводило ее за рамки универсального международного мандата [Abbas 2024].

Согласно условиям соглашения российский контингент численностью 1960 военнослужащих должен был размещаться вдоль линии соприкосновения сторон и в Лачинском коридоре⁴. Мандат миссии предусматривал пятилетний срок пребывания с возможностью продления еще на пять лет при отсутствии возражений одной из сторон. В организационном отношении миссия находилась под управлением Министерства обороны РФ; командующим стал генерал-лейтенант Рустам Мурадов, впоследствии сменивший рядом российских офицеров. Для обеспечения координации действий был создан Совместный российско-турецкий центр по контролю за прекращением огня, расположенный на территории Азербайджана⁵.

Отсутствие международно-правового мандата обусловило ряд институциональных ограничений. Во-первых, миссия не имела доступа к инструментам финансирования и отчетности, характерным

³ Указ Президента РФ № 695 от 10.11.2020 г. «О мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011120002> (дата обращения: 08.10.2025).

⁴ Указ Президента РФ / распоряжение от 12–13.11.2020 г. «О порядке работы миротворцев в Нагорном Карабахе». URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/11/2020/5fad0fe59a7947fb1141cc59> (дата обращения: 08.10.2025).

⁵ Jamestown Foundation. Russia's peacekeeping contingent leaves Karabakh. 22 Apr 2024. URL: <https://jamestown.org/program/russias-peacekeeping-contingent-leaves-karabakh/> (дата обращения: 10.10.2025).

для операций ООН. Во-вторых, она не располагала официальным механизмом взаимодействия с международными гуманитарными организациями, что снижало прозрачность гуманитарных операций и уровень доверия местного населения. В-третьих, вопросы статуса российских военных и их юрисдикционной защиты регулировались исключительно двусторонними соглашениями между Москвой и Баку [Тонкошкуров, Шигин 2022].

С точки зрения международного права, миссия представляла собой форму согласованного присутствия третьей стороны на основании межгосударственного договора, что соответствует статье 52 Устава ООН, допускающей региональные меры урегулирования при условии уведомления Совета Безопасности⁶. Российская Федерация действительно информировала ООН о развёртывании контингента, однако не добивалась утверждения мандата, опасаясь блокировки со стороны западных государств. Подобная правовая конструкция, характерная и для других российских операций в СНГ (Приднестровье, Южная Осетия), обеспечивает оперативность и гибкость, но лишает миссию международного статуса и институциональной поддержки.

Организационная структура контингента включала штаб, инженерные и медицинские подразделения, силы разминирования и патрульные группы. При штабе действовали отделы гражданско-военного взаимодействия, занимавшиеся гуманитарной помощью, обеспечением эвакуации и восстановлением инфраструктуры. В первые месяцы миссии российские военные очистили от мин десятки квадратных километров территории, восстановили электроснабжение и дороги в районах Степанакерта и Шуши [Гаспарян, Скаков 2023].

Особое значение имел институт Совместного центра с Турцией [Paparazian 2023]. Он выполнял функцию мониторинга, опираясь на данные беспилотных летательных аппаратов и прямую связь со штабом в Ханкенди. Однако формально центр не имел права вмешиваться в деятельность российских подразделений, что отражало компромисс между Москвой и Анкарой. Для Азербайджана турецкое участие служило гарантией баланса, тогда как для Армении вызывало опасения усиления противника [Привалов 2023].

В целом институциональная структура миссии демонстрировала типичные черты «асимметрического миротворчества»: доми-

⁶ Минобороны раскрыло детали о миротворческой миссии РФ в Карабахе // Известия. 10.11.2020 (пересказ пресс-релиза). URL: <https://iz.ru/1084929/2020-11-10/minoborony-raskrylo-detali-o-mirotvorcheskoi-missii-rf-v-karabakhe> (дата обращения: 12.10.2025).

нирование одной державы-посредника, ограниченный правовой мандат и зависимость от политической воли сторон конфликта. Это обстоятельство во многом предопределило ее эффективность и последующее сворачивание.

Оценка эффективности российской миротворческой миссии

Эффективность миротворческих операций традиционно оценивается по совокупности военных, политико-дипломатических, правовых и гуманитарных критериев [Малышев 2022]. В применении к карабахской миссии ключевыми являются четыре измерения: обеспечение прекращения огня, поддержание политической стабильности, защита населения и институциональная устойчивость.

С точки зрения военной эффективности миссия в первые два года справлялась со своими задачами⁷. После размещения контингента интенсивность вооруженных столкновений резко снизилась; были ликвидированы линии фронта и обеспечен контроль над Лачинским коридором. По данным Министерства обороны РФ, к 2022 г. через территорию, контролируемую российскими военными, безопасно вернулись более 50 тыс. беженцев, восстановлена работа школ и больниц. Этот этап можно оценить как успешный с точки зрения стабилизации обстановки и предотвращения гуманитарной катастрофы.

Политическая эффективность оказалась ограниченной. Миссия не смогла стать устойчивым посредником между Ереваном и Баку, поскольку ее мандат не предусматривал институционализированных переговорных механизмов⁸. Контакты между сторонами осуществлялись преимущественно при посредничестве Москвы, но без формального участия миротворческого штаба. В результате в 2022–2023 гг. возобновились инциденты на линии соприкосновения и блокада Лачинского коридора, что свидетельствовало о снижении доверия к российскому присутствию.

⁷ Специалисты Минобороны РФ разминировали еще 260 га территории в Карабахе. Минобороны РФ. 23.11.2020. URL: <https://iz.ru/1103418/2020-12-23/spetsialisty-minoborony-rf-razminiroyali-eshche-260-ga-territorii-v-karabakhe> (дата обращения: 12.10.2025).

⁸ Foreign Ministry statement on the situation in and around Nagorno-Karabakh. 20.09.2023. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1905169/ (дата обращения: 15.10.2025).

Гуманитарная составляющая миссии первоначально рассматривалась как приоритет. Российский гуманитарный центр обеспечивал доставку продовольствия, медикаментов, а также координировал деятельность инженерных подразделений. Тем не менее в 2023 г. доступ международных организаций, включая Международный комитет Красного Креста, к Карабаху был ограничен, а координация действий с ООН практически отсутствовала⁹. Это усилило критику со стороны армянского населения, видевшего в миссии недостаточную защиту своих интересов.

Юридическая и институциональная эффективность миссии вызывала наибольшие сомнения. Отсутствие международного мандата означало, что деятельность российских военных не была встроена в систему международного контроля и отчетности. Как отмечает З. Манукян, российская модель миротворчества основывается не на институциональной подконтрольности, а на политической целесообразности, что обеспечивает оперативность, но снижает устойчивость миссий. В случае Карабаха это проявилось в зависимости миссии от политических решений Баку, который в 2023 г. неоднократно выражал недовольство деятельностью российского контингента и в итоге отказался от продления мандата [Manukyan 2024].

Сравнение миссии с предыдущими российскими операциями (в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье) показывает, что институциональная стабильность достигается только при наличии долгосрочного статус-кво и наличии внутреннего актора, опирающегося на российское покровительство. В Карабахе же такого субъекта фактически не осталось после осенней операции Азербайджана 2023 г., что сделало присутствие российских сил бессмысленным.

Некоторые авторы отмечают, что миссия была задумана как временный инструмент для фиксации новых политических реалий, а не как механизм урегулирования конфликта. Таким образом, ее ограниченная результативность отражала не просчеты командования, а особенности политического замысла. Россия решала задачу быстрого прекращения боевых действий, но не предполагала формирование международно признанного режима безопасности.

С позиции международного права миссия способствовала реализации норм гуманитарного права – защите гражданского

⁹ Foreign Ministry statement regarding an address by the Prime Minister of the Republic of Armenia, Nikol Pashinyan, and the situation around Nagorno-Karabakh. 25.09.2023. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1906229/ (дата обращения: 15.10.2025).

населения и обеспечению безопасного выхода вооруженных формирований. При этом отсутствие формализованных соглашений с ООН или ОБСЕ ограничило возможности мониторинга и привлечения внешних доноров к восстановлению региона.

В целом институциональная эффективность российской миссии может быть охарактеризована как *оперативно высокая, но стратегически низкая*. Контингент выполнил непосредственные задачи по прекращению войны, однако не создал устойчивых структур поддержания мира. Главной причиной этого стала зависимость миссии от политического контекста и отсутствие правовой универсализации ее мандата.

Региональные и геополитические последствия миссии

Завершение российской миротворческой операции в Карабахе весной 2024 г. имело широкий резонанс, превратившись в символ трансформации российской роли на Южном Кавказе¹⁰. Для Азербайджана вывод контингента стал подтверждением суверенитета и восстановления территориальной целостности. Для Армении – болезненным сигналом ослабления союзнических гарантий и необходимости пересмотра внешнеполитического курса.

Региональные последствия миссии можно рассматривать через призму изменения архитектуры безопасности. Россия на протяжении трех десятилетий выступала основным посредником и гарантом мира в регионе. Однако после 2020 г. ее ресурсы оказались ограничены как внутренними факторами, так и международным давлением. Активизация Турции и появление новых транспортных проектов (Зангезурский коридор) сместили баланс сил, усилив позиции Баку и Анкары.

Многие исследователи указывают, что миссия в Карабахе стала своеобразным поворотным пунктом российской политики в Южном Кавказе. По мнению М. Вардазаряна, после 2020 г. Москва пыталась сохранить контроль над процессом урегулирования, но в условиях растущей конкуренции с Турцией и Западом утратила

¹⁰ Osborn A., Bagirova N. Russian peacekeepers start withdrawing from Azerbaijan's Karabakh region // Reuters. 17 Apr. 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russian-peacekeepers-have-begun-withdrawing-azerbaidjans-karabakh-says-kremlin-2024-04-17/> (дата обращения: 18.10.2025).

монополию на миротворчество¹¹. В результате Россия оказалась в положении участника, а не арбитра конфликта [Vardazaryan 2024].

Для Армении последствия миссии выражаются в усилении внешнеполитического плюрализма: Ереван активизировал контакты с ЕС, Францией и США, стремясь диверсифицировать источники безопасности. Это свидетельствует о кризисе прежней модели союзничества в рамках ОДКБ, где гарантии безопасности во многом ассоциировались именно с миротворческим потенциалом России [Iskandarov 2025].

С точки зрения международного сообщества, миссия России в Нагорном Карабахе 2020–2024 гг. демонстрировала новые реалии регионального миротворчества, в которых основным фактором является политическая целесообразность действий, а не институциональная универсальность. Анализ зарубежных публикаций показывает, что внешние наблюдатели рассматривают миссию как временный стабилизатор конфликта, способный сдерживать эскалацию, но не формирующий долгосрочный режим безопасности. При этом Россия получила дополнительный опыт координации действий с партнерами в регионе, прежде всего с Турцией, что открывает новые перспективы для совместных миротворческих проектов, но также повышает риски конкуренции за влияние [Selim, Tüysüzoglu 2023].

Влияние миссии на региональный баланс сил проявилось в том, что Баку усилил контроль над стратегически важными транспортными коридорами, а Армения была вынуждена искать новые внешнеполитические опоры. С точки зрения Москвы, миссия позволила сохранить стратегическое присутствие и влияние в регионе, но ограниченные временные рамки и политическая зависимость от сторон конфликта снизили ее долгосрочную институциональную эффективность [Manukyan 2024].

Таким образом, российская миротворческая миссия в Карабахе 2020–2024 гг. стала важным, но ограниченным инструментом обеспечения региональной безопасности. Она продемонстрировала способность России быстро реагировать на кризис, организовывать развертывание контингента и координировать действия с партнерами, однако отсутствие международного мандата и ограниченность институциональных механизмов привели к ограниченному стратегическому эффекту.

¹¹ Ceasefire monitoring centre in Nagorno-Karabakh shuts as Russian peacekeepers withdraw // CaucasusWatch. 26.04.2024. URL: <https://caucasuswatch.de/en/news/turkey-russia-joint-monitoring-centre-in-aghdam-officially-closed.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Заключение

Проведенное исследование показало, что миротворческая миссия России в Нагорном Карабахе 2020–2024 гг. была эффективна в оперативной, гуманитарной и частично военной сферах, но не смогла создать устойчивый институциональный механизм урегулирования конфликта. Основными причинами ограниченной эффективности стали отсутствие международного мандата, политическая зависимость от сторон конфликта и недостаточная интеграция в международные структуры.

Институциональная эффективность миссии проявлялась в способности быстро развернуть контингент, обеспечить контроль над линией соприкосновения и Лачинским коридором, а также создать условия для временного возвращения беженцев и восстановления базовой инфраструктуры. В то же время стратегическая эффективность оставалась низкой: миссия не способствовала формированию долгосрочного режима безопасности и не обеспечила устойчивого посредничества между сторонами конфликта.

Фактическое и юридическое прекращение существования Нагорного Карабаха как субъекта, за которым последовала полная интеграция его территории в состав Азербайджана, подвело черту под военной фазой конфликта, однако открыло новый, не менее сложный этап – этап постконфликтного урегулирования. Миротворческая миссия России, выполнившая тактическую задачу по прекращению боевых действий в 2020 г., в новых исторических условиях утратила свое первоначальное содержание. Сегодня регион вступил в фазу «холодного мира», где основная борьба сместилась из военной плоскости в дипломатическую, экономическую и гуманитарную сферы.

Современная ситуация определяется разнонаправленными подходами сторон. Азербайджанская Республика исходит из принципа окончательного разрешения конфликта и настаивает на заключении двустороннего мирного договора с Арменией, предусматривающего взаимное признание территориальной целостности [Iskandarov 2025]. Ключевым условием Баку выступает внесение изменений в конституционно-правовую базу Армении для исключения любых потенциальных территориальных претензий.

Позиция Армении отличается внутренней противоречивостью, обусловленной необходимостью адаптации к последствиям военного поражения и массового исхода армянского населения. Официальный Ереван демонстрирует готовность к делимитации границ и нормализации отношений, однако общественные настроения и политический дискурс характеризуются разочарованием

в эффективности прежних союзнических обязательств и поиском новых внешнеполитических ориентиров [Sukiasyan, Davtyan 2025].

Российская Федерация, утратив механизм прямого военного присутствия в зоне конфликта, стремится сохранить статус переговорной площадки и адаптироваться к усилению роли западных акторов (ЕС, США). Происходит эрозия прежней модели российско-армянского взаимодействия, что снижает потенциал Москвы как гаранта стабильности [Abushov, Babayev 2025]. В числе актуальных проблем, препятствующих окончательной нормализации, выделяются вопросы сохранения армянского культурно-исторического наследия на территории бывшей НКАО, гуманитарное положение и перспективы возвращения беженцев. Например: сообщения о повреждении памятников архитектуры формируют устойчивый фон взаимного недоверия и создают имиджевые риски для Азербайджана на международной арене [Sahakyan, Kartashyan 2025].

Региональные последствия миссии выражаются в изменении баланса сил на Южном Кавказе, усилении роли Турции и ограничении влияния России на процессы урегулирования. Для Армении вывод российских миротворцев стал сигналом необходимости переориентации внешнеполитического курса, а для Азербайджана – подтверждением собственной военной и политической инициативы. В целом миссия 2020–2024 гг. демонстрирует, что российская модель регионального миротворчества способна оперативно стабилизировать кризисные ситуации, но требует более широкого институционального оформления и координации с международными структурами для достижения стратегической эффективности.

Литература

- Борисов 2023 – *Борисов Н.А.* Тридцать лет постсоветских исследований в российской политической науке: тренды и перспективы // Политическая наука. 2023. № 4. С. 15–55. DOI: 10.31249/poln/2023.04.01
- Гаспарян, Скаков 2023 – *Гаспарян Р.Э., Скаков А.Ю.* Российская миротворческая операция в Нагорном Карабахе (анализ 2020–2023) // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 3 (9). С. 34–46. DOI: 10.53658/RW2023-3-3(9)-34-46
- Малышев 2022 – *Малышев Д.В.* Миротворчество на постсоветском пространстве: Нагорный Карабах и Казахстан // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 3 (56). С. 120–132. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-3-120-132
- Привалов 2023 – *Привалов В.А.* Нагорно-Карабахский конфликт: особенности процесса международного урегулирования и участие в нем России (1991–2022) // Государственное управление: Электронный вестник. 2023. № 96. С. 134–147. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-134-147

- Тонкошкур, Шигин 2022 – *Тонкошкур В.П., Шигин А.В.* Нагорный Карабах: российская миротворческая операция // Военная мысль. 2022. № 4. С. 44–50.
- Чолахян 2021 – *Чолахян В.А.* Международное участие в разрешении конфликта в Нагорном Карабахе в 1990–2020 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 365–378. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-3-365-378
- Abbas 2024 – *Abbas H.* The main stages of the Armenian-Azerbaijani conflict and the consequences of the conflict // Academic Journal of History and Idea. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 63–72. DOI: 10.46868/atdd.2024.648
- Abushov, Babayev 2025 – *Abushova K., Babayev A.* Diminishing justice and third-party intervention: Explaining Russia's impartial stance during the 2020 Karabakh war // Problems of Post-Communism. 2025. Vol. 72. No. 2. P. 177–187. DOI: 10.1080/10758216.2024.2329881
- Anggraeni 2022 – *Anggraeni S.K.* Analyzing Russia's interests in the 2020 Nagorno-Karabakh ceasefire agreement // Journal Hubungan Internasional. 2022. No. 15. P. 338–354. DOI: 10.20473/jhi.v15i2.35864
- Broers 2015 – *Broers L.* From “frozen conflict” to enduring rivalry: Reassessing the Nagorno Karabakh conflict // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43. No. 4. P. 556–576. DOI: 10.1080/00905992.2015.1042852
- Davtyan 2024 – *Davtyan E.* Lessons that lead to war: Foreign policy learning and military escalation in the Nagorno-Karabakh conflict // Problems of Post-Communism. 2024. Vol. 71. No. 1. P. 26–36. DOI: 10.1080/10758216.2023.2183410
- Ferner 2023 – *Ferner P.* Peace unwanted? The frozen conflict of Nagorno-Karabakh revisited // Global South Review. 2023. Vol. 2. No. 1. P. 37–50. DOI: 10.22146/globalsouth.28850
- Hassan 2024 – *Hassan S.H.* Regional and international interventions in the Nagorno-Karabakh crisis // The International and Political Journal. 2024. No. 64. P. 441–458. DOI: 10.31272/ipj.i64.498
- Iskandarov 2025 – *Iskandarov K.* The military diplomacy and conflict resolution: Negotiation dynamics in the Second Karabakh War // Social Development and Security. 2025. No. 3. P. 1–10. DOI: 10.33445/sds.2025.15.3.1
- Kazbek 2022 – *Kazbek B.* The 2020 Russian peacekeeping: Geopolitical implications for the South Caucasus' // Defence Horizon Journal. 2022. March 14. URL: <https://tdhj.org/blog/post/russian-peacekeeping-gabala-2020/> (дата обращения 16.10.2025).
- Manukyan 2024 – *Manukyan Zh.* Russia's foreign policy in the South Caucasus in the context of increasing new regional competition // Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University. 2024. Vol. 3. No. 8. P. 28–41. DOI: 10.46991/JOPS/2024.3.8.028
- Papazian 2023 – *Papazian H.* Turkey and “Turks” in postwar Armenia: Anxieties, meanings, and politics after the 2020 Karabakh war // Ethnopolitics. Vol. 23. No. 828. P. 1–22. DOI: 10.1080/17449057.2023.2176587

- Sahakyan, Kartashyan 2025 – *Sahakyan N., Kartashyan A.* Shifts in Azerbaijani discourse: Heydar Aliyev's rhetorical transformation in the Nagorno-Karabakh conflict negotiation process // *Small Wars & Insurgencies*. 2025. Vol. 36. No. 3. P. 529–551. DOI: 10.1080/09592318.2024.2443297
- Selim, Tüysüzöğlu 2023 – *Selim K., Tüysüzöğlu G.* Is Nagorno-Karabakh no longer a frozen conflict zone after the 2020 war? // *International Journal Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2023. Vol. 78. No. 1–2. DOI: 10.1177/00207020231179048
- Sukiasyan, Davtyan 2025 – *Sukiasyan N., Davtyan E.* The South Caucasus reconstructed: Polarity and regional security order after the Nagorno-Karabakh war in 2020 // *The International Spectator*. Vol. 60. No. 4. P. 120–137. DOI: 10.1080/03932729.2025.2500407
- Vardazaryan 2024 – *Vardazaryan M.* The Second Karabakh War and the dynamics of relations between the Republic of Armenia and the Russian Federation // *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*. 2024. Vol. 3. No. 7. P. 24–36. DOI: 10.46991/JOPS/2024.3.7.024

References

- Abbas, H. (2024), “The main stages of the Armenian-Azerbaijani conflict and the consequences of the conflict”, *Academic Journal of History and Idea*, vol. 11, no. 1, pp. 63–72, DOI: 10.46868/atdd.2024.648
- Abushov, K. and Babayev, A. (2025), “Diminishing justice and third-party intervention: Explaining Russia's impartial stance during the 2020 Karabakh war”, *Problems of Post-Communism*, vol. 72, no. 2, pp. 177–187, DOI: 10.1080/10758216.2024.2329881
- Anggraeni, S.K. (2022), “Analyzing Russia's interests in the 2020 Nagorno-Karabakh ceasefire agreement”, *Journal Hubungan Internasional*, no. 15, pp. 338–354, DOI: 10.20473/jhi.v15i2.35864
- Borisov, N.A. (2023), “Thirty years of post-Soviet research in Russian political science: trends and prospects”, *Politicheskaya nauka*, no. 4, pp. 15–55, DOI: 10.31249/poln/2023.04.01
- Broers, L. (2015), “From ‘frozen conflict’ to enduring rivalry: Reassessing the Nagorny Karabakh conflict”, *Nationalities Papers*, vol. 43, no. 4, pp. 556–576, DOI: 10.1080/00905992.2015.1042852s
- Cholakhyan, V.A. (2021), “International participation in the resolution of the Nagorno-Karabakh conflict in 1990–2020”, *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 21, no. 3, pp. 365–378, DOI 10.18500/1819-4907-2021-21-3-365-378
- Davtyan, E. (2024), “Lessons that lead to war: Foreign policy learning and military escalation in the Nagorno-Karabakh conflict”, *Problems of Post-Communism*, vol. 71, no. 1, pp. 26–36, DOI: 10.1080/10758216.2023.2183410

- Ferner, P. (2023), "Peace unwanted? The frozen conflict of Nagorno-Karabakh revisited", *Global South Review*, vol. 2, no. 1, pp. 37–50, DOI: 10.22146/global-south.28850
- Gasparyan, R.E. and Skakov, A.Yu. (2023), "Russian peacekeeping operation in Nagorno-Karabakh (2020–2023)", *Russia and World: Scientific Dialogue*, vol. 9, no. 3, pp. 34–46. DOI: 10.53658/RW2023-3-3(9)-34-46
- Hassan, S.H. (2024), "Regional and international interventions in the Nagorno-Karabakh crisis", *The International and Political Journal*, no. 64, pp. 441–458, DOI: 10.31272/ipj.i64.498
- Iskandarov, K. (2025), "The military diplomacy and conflict resolution: Negotiation dynamics in the Second Karabakh War", *Social Development and Security*, no. 3, pp. 1–10, DOI: 10.33445/sds.2025.15.3.1
- Kazbek, B. (2022), "The 2020 Russian peacekeeping: Geopolitical implications for the South Caucasus", *Defence Horizon Journal*, March 14, available at: <https://tdhj.org/blog/post/russian-peacekeeping-gabala-2020/> (Accessed 16 Oct. 2025).
- Malyshev, D.V. (2022), "Peacekeeping in the post-Soviet space: Nagorno-Karabakh and Kazakhstan", *Russia and New States of Eurasia*, vol. 56, no. 3, pp. 120–132, DOI: 10.20542/2073-4786-2022-3-120-132
- Manukyan, Zh. (2024), "Russia's foreign policy in the South Caucasus in the context of increasing new regional competition", *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*, vol. 3, no. 8, pp. 28–41, DOI: 10.46991/JOPS/2024.3.8.028
- Papazian, H. (2023), "Turkey and 'Turks' in postwar Armenia: Anxieties, meanings, and politics after the 2020 Karabakh war", *Ethnopolitics*, vol. 23, no. 828, pp. 1–22, DOI: 10.1080/17449057.2023.2176587
- Privalov, V.A. (2023), "The Nagorno-Karabakh conflict: Particularities of international settlement process and Russia's involvement in it (1991–2022)", *Public Administration. E-journal*, no. 96, pp. 134–147, DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-134-147
- Sahakyan, N. and Kartashyan, A. (2025), "Shifts in Azerbaijani discourse: Heydar Aliyev's rhetorical transformation in the Nagorno-Karabakh conflict negotiation process", *Small Wars & Insurgencies*, vol. 36, no. 3, pp. 529–551, DOI: 10.1080/09592318.2024.2443297
- Selim, K. and Tüysüzöğlu, G. (2023), "Is Nagorno-Karabakh no longer a frozen conflict zone after the 2020 war?", *International Journal Canada's Journal of Global Policy Analysis*, vol. 78, no. 1–2, DOI: 10.1177/00207020231179048
- Sukiasyan, N. and Davtyan, E. (2025), "The South Caucasus reconstructed: Polarity and regional security order after the Nagorno-Karabakh war in 2020", *The International Spectator*, vol. 60, no. 4, pp. 120–137, DOI: 10.1080/03932729.2025.2500407
- Tonkoshkurov, V.P. and Shigin, A.V. (2022), "Nagorny Karabakh: the Russian peacekeeping operation", *Voennaya mysl*, no. 4, pp. 44–50.
- Vardazaryan, M. (2024), "The Second Karabakh War and the dynamics of relations between the Republic of Armenia and the Russian Federation", *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*, vol. 3, no. 7, pp. 24–36, DOI: 10.46991/JOPS/2024.3.7.024

Информация об авторе

Владислав В. Зайковский, АО «Альфа-Банк», Москва, Россия; 115432, Россия, Москва, пр-кт Андропова, д. 18; zaikoffsky@gmail.com

Information about the author

Vladislav V. Zaykovsky, AO "Alfa-Bank", Moscow, Russia; 18, Andropova Av., Moscow, Russia, 115432; zaikoffsky@gmail.com